

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРИРОДА КАК ТЕАТР ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ.....	7
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ	13
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	13
ОТРЯД I ОБЕЗЬЯНЫ.....	25
ОТРЯД II ПОЛУОБЕЗЬЯНЫ, ИЛИ ЛЕМУРЫ	57
ОТРЯД III РУКОКРЫЛЫЕ	65
ОТРЯД IV ХИЩНЫЕ	76
ОТРЯД V ЛАСТОНОГИЕ.....	193
ОТРЯД VI НАСЕКОМОЯДНЫЕ	204
ОТРЯД VII ГРЫЗУНЫ.....	213
ОТРЯД VIII НЕПОЛНОЗУБЫЕ.....	248
ОТРЯД IX ХОБОТНЫЕ	254
ОТРЯД X НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ	259
ОТРЯД XI ПАРНОКОПЫТНЫЕ	273
ОТРЯД XII ТРАВояДНЫЕ КИТЫ, ИЛИ СИРЕНЬ	327
ОТРЯД XIII КИТООБРАЗНЫЕ.....	331
ОТРЯД XIV СУМЧАТЫЕ.....	346
ОТРЯД XV ПТИЦЕЗВЕРИ	359
ПТИЦЫ.....	362
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	362
ОТРЯД I ДРЕВЕСНЫЕ ПТИЦЫ.....	375
ОТРЯД II ПОПУГАИ	448
ОТРЯД III ГОЛУБИНЫЕ	460
ОТРЯД IV КУРИНЫЕ ПТИЦЫ	466
ОТРЯД V ВОДЯНЫЕ КУРОЧКИ	483
ОТРЯД VI ЖУРАВЛИНЫЕ.....	486
ОТРЯД VII ПОИСКОВЫЕ ПТИЦЫ	490
ОТРЯД VIII ЛАСТОКРЫЛЫЕ.....	499
ОТРЯД IX БУРЕВЕСТИКОВЫЕ	501
ОТРЯД X БОЕВЫЕ ПТИЦЫ	505
ОТРЯДЫ XI-XIV	555

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ	564
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	564
ОТРЯД I ЯЩЕРИЦЫ	572
ОТРЯД II ЗМЕИ	586
ОТРЯД III КРОКОДИЛЫ.....	611
ОТРЯД IV ЧЕРЕПАХИ	622
ЗЕМНОВОДНЫЕ	634
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	634
ОТРЯД I БЕСХВОСТЫЕ ЗЕМНОВОДНЫЕ.....	641
ОТРЯД II ХВОСТАТЫЕ ЗЕМНОВОДНЫЕ.....	649
РЫБЫ	655
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	655
ОТРЯД I КОЛЮЧЕПЕРЫЕ	666
ОТРЯД II СРОСТНОГЛОТОЧНЫЕ.....	682
ОТРЯД III МЯГКОПЕРЫЕ, ИЛИ БЕСКОЛЮЧИЕ	684
ОТРЯД IV ОТКРЫТОПУЗЫРНЫЕ.....	689
ОТРЯД V ПУЧКОЖАБЕРНЫЕ	711
ОТРЯД VI СРОСТНОЧЕЛЮСТНЫЕ.....	713
ОТРЯД VII ТВЕРДОЧЕШУЙНЫЕ	715
ОТРЯД VIII ХРЯЩЕПЕРЫЕ	717
ЧЛЕНИСТОНОГИЕ	722
ОБЩИЙ ОЧЕРК.....	722
ОТРЯД ДЕСЯТИНОГИЕ РАКИ.....	725
ОТРЯД УСОНОГИЕ.....	733
ОТРЯД ЖАБЕРНОНОГИЕ	736
МОЛЛЮСКООБРАЗНЫЕ	739
КЛАСС ГОЛОВОНОГИЕ	739
КЛАСС БРЮХОНОГИЕ	749
КЛАСС ПЛАСТИНЧАТОЖАБЕРНЫЕ	768
ИГЛОКОЖИЕ	781
КИШЕЧНОПОЛОСТНЫЕ	787

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1860–1870-х годах любители живой природы получили прекрасный подарок. В свет вышли подряд два издания многотомного труда немецкого зоолога и путешественника Альфреда Эдмунда Брема (1829–1884) «Иллюстрированная жизнь животных. Общий очерк царства животных». В первом издании было шесть томов, во втором — уже десять. Впереди «Жизнь животных» (именно под таким названием работа Брема стала известна во всем мире) ожидало бесчисленное множество переизданий, переводов и переработок.

Казалось бы, что такого особенного в том, что в свет вышло очередное исследование мира животных? Наука в XIX столетии развивалась быстро, и разнообразные интересные книги, статьи и популярные издания появлялись постоянно. Однако информация тогда распространялась с гораздо меньшей скоростью, чем сейчас, фотография все еще представляла собой сложный громоздкий процесс, а путешествия были доступны очень немногим. А значит, появление многотомного издания, описывающего животных различных отрядов и видов, населяющих все земные континенты, в любом случае вызывало огромный интерес. Это произошло еще и потому, что многотомник был великолепно иллюстриро-

ван. Изображения для него создавали лучшие художники того времени, уже принимавшие участие в издании различных энциклопедий: Густав Мютцель, братья Август и Фридрих Шпехт, Роберт Кречмер. Животные на их иллюстрациях не просто представлены в привычном им антураже — они живут: охотятся, играют, воспитывают потомство. Например, пумы выясняют отношения из-за охотничьих угодий, летучая мышь-вампир изображена на фоне лагеря путешественников, куда она вскоре направится лакомиться кровью лошадей и ослов, а группа бабуинов с интересом изучает какую-то норку в земле. Многие животные и птицы показаны сразу в нескольких характерных для них позах и движениях.

Альфред Брем родился в семье пастора и по совместительству ученого-орнитолога Людвигу Брема. С ранней юности Альфред начал путешествовать, изучая животных разных стран. Африка, Средняя Азия, Сибирь, Лапландия — практически каждая поездка заканчивалась изданием статей, очерков и книг о жизни зверей, птиц и насекомых, которые с одинаковым интересом читали и маститые ученые, и натуралисты-любители. Несколько лет Брем заведовал зоосадамом в Гамбурге, а также стал основателем Берлинского

аквариума — накопленные к этому времени знания вполне позволяли браться за такие сложные проекты. Но главным трудом его жизни и главным памятником всей его деятельности стала «Жизнь животных».

И при жизни автора, и после его смерти эта работа переводилась на разные языки и переиздавалась — в оригинальном объеме и в сокращении: в одной, двух, трех книгах. Ведь наука не стояла на месте: появлялись новые классификации, менялись некоторые латинские названия, открывались новые виды. В Российской империи «Жизнь животных» впервые перевели и опубликовали в сокращенном виде в 1866 году и впоследствии переиздавали еще и еще. Эти книги пользовались неизменным успехом даже через несколько десятилетий, когда взгляды и выводы Брема, писавшего с позиции современных ему научных взглядов, на основании тех культурных ценностей, которые были близки и понятны человеку XIX столетия, во многом устарели.

Стоит ли читать «Жизнь животных» сейчас? Как стопроцентно научную литературу — нет. Как увлекательную беллетристику, за созданием которой стоят годы напряженного труда, как памятник науки и литературы XIX века — безусловно да.

Конечно, сейчас мы можем найти у Брема множество ошибок и несоответствий — и в области биологии или физиологии животных, и в общенаучных вопросах. Так, если в XIX веке ученые зафиксировали около 2000 видов млекопитающих, то в настоящее время их известно порядка 4500. Или, скажем, зайцы, кролики и пищухи, которых во времена Брема относили к отряду грызунов, сегодня выделены в отдельный отряд зайцеобразных. Кроме того, рекомендации автора относительно того, как нужно спасать укушенного ядовитой змеей, или рассказы о мстительности некоторых пресмыкающихся далеки от принятых в современной научной и научно-популярной литературе

стандартов. Вообще, немецкий ученый (как, впрочем, и большинство его современников) оценивает различные виды животных главным образом с точки зрения их практической полезности. Например, он сурово заключает: «Змеям и крокодилам не должно быть пощады!» Это вполне обычная для той эпохи позиция, ведь в XIX столетии вопросам охраны природы не уделяли столько внимания, как сейчас, и люди нечасто задумывались о том, что многие виды животных достойны жизни хотя бы по причине их крайней редкости.

Разумеется, в изложении Альфреда Брема есть и очень привлекательные черты, и их значительно больше. При всей своей прагматичности автор описывает зверей и птиц почти как людей, называя какие-то виды коварными, глуповатыми или дерзкими, а какие-то — добродушными, преданными, очаровательными в дружбе или даже нежными и трепетными. «Жизнь животных» — это не сухая энциклопедия с таблицами и схемами, а живое, увлекательное изложение с историями из жизни, местными легендами, экскурсами в этнографию, ботанику и даже религиоведение. И при этом оно соответствует научным данным своего времени. Труд Брема — это путешествие по странам и континентам, создающее, как сейчас бы сказали, эффект погружения в жизнь и быт естествоиспытателя XIX столетия.

Предлагаем вашему вниманию сокращенное изложение «Жизни животных» в переводе и под редакцией профессора Харьковского университета, зоолога Александра Михайловича Никольского, относящегося к концу XIX — началу XX века. Мы постарались сохранить особенности изложения профессора Никольского. В книге используется часть иллюстраций, сопровождавших многотомник Брема в его первых, классических изданиях, и добавлены как гравюры из других энциклопедий, опубликованных в те времена, так и работы современных фотографов-анималистов.

ПРИРОДА КАК ТЕАТР ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

Ничто в природе не вечно; все беспрестанно разрушается и восстанавливается, перестраивается, изменяется. Силы природы медленно, но непрерывно работают в двух направлениях: прежнее изменяют или разрушают, новое создают. Деятельность эта проявляется одинаково и в живой, организованной природе, и в так называемой мертвой природе. Стоит только присмотреться к многочисленным явлениям нашей планеты, чтобы уразуметь величие совершающихся изменений и бесчисленные взаимодействия, в которые вступают между собою различные силы природы. Кажущаяся на первый взгляд мертвой, природа в действительности живет полной жизнью.

Перед нами — альпийский ледниковый ландшафт... Тысячи ручьев бегут по поверхности глетчера; из-под земли слышен глухой стон скал, отрываемых ползучим

ледником со дна его ложа, треск камней, перекатываемых невидимой рукой по скатам морен, слышится гром падающих лавин, разрушающих все на своем пути, — все это ясные и отчетливые голоса природы, понятные для просвещенного наукой наблюдателя. Изъеденные и источенные вершины скал, многие миллионы кубических саженей камня, щебня и мусора, нагроможденные по сторонам древних хребтов в виде россыпей, мощные водные отложения в устьях рек, изуродованные и разрушенные морские берега, пласты лёсса, залегающие на протяжении многих тысяч квадратных верст, — представляют разрозненные страницы огромной книги геологической летописи.

Могучие силы природы, вода в различных состояниях, ветры, климатические факторы дружно работают в течение многих

тысячелетий и производят разнообразные изменения на земной поверхности. Если мы примем это во внимание, то нам становятся понятными многие географические факты, заученные в детстве бессознательно. Мы понимаем, почему к горным хребтам Альп, Урала, к сибирским хребтам всегда примыкают широкие, плоские равнины, состоящие из обломков и щебня, почему по этим равнинам текут со стороны гор реки, почему море на большое пространство мелеет в тех местах, где в него впадают могучие водные потоки, в устьях которых находятся обширные дельты. Для нас становится совершенно понятным и вероятным утверждение геологов, что в предыдущую геологическую эпоху такие горы, как, напр., Альпы, были на 2000 метров выше, чем в настоящее время, что во многих местностях, где в настоящее время простираются плоские равнины, раньше были значительные углубления в виде больших озерных впадин, постепенно заполненные землистыми отложениями рек. Мы знаем, что Женевское озеро 50 000 лет тому назад было вдвое

более, чем в настоящее время, а еще через такой же промежуток времени, вероятно, совершенно заполнится осадками, приносимыми рекою Роной из Альп. Отсюда нетрудно вывести заключение, что со временем высочайшие горные хребты размоются до основания, а современные впадины заполнятся и превратятся в плоские равнины. С другой стороны, тектонические процессы: вулканические явления, землетрясения, вековые колебания суши, а также разрушающая деятельность воды, ветров, неустанно работают над новыми и новыми изменениями лика земной поверхности.

Так непрерывно изменяется мертвая природа, которая на первый взгляд кажется совершенно неизменяемой, навеки застывшей в тех формах, которые созданы Творцом.

Если теперь мы обратимся к живой, организованной природе, то там найдем еще более наглядное доказательство непрерывно совершающихся всевозможных изменений, которые приводят к поразитель-

Альпийские горы (Бернский хребет) и озеро Бахальпзее

ному разнообразию форм растительных и животных организмов.

Долгое время в науке господствовало убеждение, что все эти бесконечно разнообразные формы организмов существуют в неизменном виде от начала веков, но с течением времени многочисленные доказательства заставили изменить это мнение. Еще в начале XVIII столетия ученые убедились в том, что многочисленные окаменелости и отпечатки, похожие на животных и на растения, которые массами находятся в различных напластованиях

земной коры, не представляют собой случайной игры природы, но действительно — остатки и следы некогда существовавших на Земле организмов. Внимательно изучая подобные остатки и окаменелости, натуралисты пришли к заключению, что животные и растения прежних эпох значительно отличались от современных нам форм. Стало очевидным, что целые группы организмов, раньше существовавших на Земле, вымерли и, наоборот, в настоящее время мы видим такие формы, которых раньше не было на Земле.

Отличия современных форм от раньше существовавших определились с течением времени с такой ясностью, что знаменитый натуралист Кювье в начале прошлого столетия создал целую теорию катаклизмов, по которой на Земле неоднократно происходили коренные перемены физических условий, сопровождавшихся окончательным уничтожением всех животных и растений, на смену которым появились путем повторных творений новые организмы.

Однако теория эта продержалась недолго, и на смену ей появилось новое учение о постепенном, непрерывном изменении форм организмов. В настоящее время доказано, что внезапных коренных переворотов в природе не существует, а все изменения происходят медленно, но непрерывно. Многочисленные факты убеждают нас в том, что и в настоящее время непрерывно совершаются изменения в составе растительных и животных царств различных стран. Мы видим, что даже за короткую эпоху исторического существования человека общая картина органической жизни тех или других стран сильно изменилась.

Возьмем для примера Северную Италию. Эта благословенная страна в настоящее время представляется путешественнику одним сплошным роскошным садом. Повсюду оливковые рощи чередуются с апельсиновыми, лимонными, среди них простираются обширные виноградники, окаймленные и разделенные аллеями тутовых деревьев, по склонам гор лепятся итальянские сосны (пинии), кудрявые пальмы, развесистые платаны; гордо смотрящие в поднебесье кипарисы украшают сады, вместе с лаврами, миртами, магнолиями, миндальными и гранатовыми деревьями, персиками и многими другими. Повсюду кактусы, опунции и оригинальные агавы. Поля, покрытые сочно-зеленым рисом, широколистным маисом, кормовыми травами и лишь изредка зерновыми хлебами, всюду обрамлены рядами плодовых деревьев. Вечнозеленая, с десятками разнообразных колоритов и цветов, смотрится эта роскошная флора в ярко-лазорево-голубое небо, залитое теплыми лучами блистающего солнца. Ни одно дерево Северной Европы не нарушает гармонии южной флоры этой очаровательной страны.

Между тем существует несомненное доказательство того, что в Северной Италии раньше растительность была иная, и природа не имела такого нарядного вида. Две с половиной тысячи лет тому назад характер природы в Северной Италии был совсем иной. Склоны гор ее были тогда покрыты дремучими лесами, состоящими из деревьев, характерных для северной или средней полосы Европы: елей, сосен, берез, лиственниц, отчасти дубов и буков. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густые ветви этих деревьев, и у подножия их, на холодной почве, росли лишь мхи да лишайники. Но постепенно, с увеличением населения, леса эти были истреблены, а на смену им появились вышеперечисленные экзотические растения. Лавры, мирты, гранаты и оливковые деревья распространились в Италии из Греции; из Сицилии были привезены кипарисы уже в III веке до Рождества Христова; платаны и пинии привезены с Востока и акклиматизированы в Италии лишь в конце периода республики; вишни появились впервые во времена Августа, в III веке перенесены лимонные деревья, шелковица и каштаны — в IX веке, померанцы перенесены арабами в XI столетии, в XVI веке португальцы привезли из Южного Китая апельсиновые деревья, а в половине XIX века в Италию привезены мандарины, в XV столетии из Египта был перенесен рис, в XVI столетии — из Америки маис, наконец, в XIX веке перенесены алоэ, агавы, опунции и магнолии.

Перед миллионами этих растений быстро отступали и, наконец, исчезли растения, прежде господствовавшие в стране, так что в настоящее время в этом блестящем обществе южных растений с трудом можно найти одиноко стоящую лиственницу или пихту.

Изменения характера растительности повлекли за собой и коренные преобразования в составе фауны страны. Достаточно сказать, что каждая древесная порода имеет своих животных, исключительно приуроченных к ней, в особенности насекомых и птиц, так что, с исчезновением целого ряда растительных пород, несомненно произошло сильное изменение и в царстве животных.

Только что описанный ход постепенного изменения природы в Италии беспрестанно повторяется и во многих других странах. В течение десятков столетий Европа обменивалась с Азией растениями и животными; с открытием Нового Света установился новый живой обмен, и теперь мы находим на территории Соединенных Штатов Северной Америки более 700 видов различных европейских растений, а такие американские растения, как, например, картофель, маис, табак, распространены по всему Старому Свету. Что касается животного населения, то в нем также в широких размерах беспрестанно происходит обмен даже между весьма отдаленными странами. Известны многие примеры, когда животные, завезенные в другую страну более или менее случайно, настолько акклиматизируются в своем новом отечестве, что становятся даже характерными представителями местной фауны. Так, общеизвестен факт сильного размножения лошадей и рогатого скота в привольных травянистых степях Америки и Австралии, хотя эти животные появились там всего четыре столетия тому назад. Лет 100 тому назад из Европы было случайно завезено в Америку маленькое насекомое — гессенская муха, которая теперь производит на полях Америки большие опустошения; страшный бич виноделия в Европе филлоксера всего лет 30 тому назад завезена из Америки; кролики, бесчисленными полчищами истребляющие поля австралийских хозяев, также привезены из Америки.

Все подобные примеры, которых можно было бы привести сколько угодно, наглядно показывают, как может изменяться природа даже в очень короткий, сравнительно, промежуток времени. Но понятно, что перемены эти могут быть несравненно значительнее на протяжении огромного промежутка времени.

В различных частях Европы от времени до времени находят остатки прежней фауны и флоры этой части света. Лет 30 тому назад в Северной Швейцарии открыто было несколько пещер, которые в отдаленные времена служили убежищем для первобытного человека. В них очень часто находят, вместе с костями человека и различными произведениями рук его, также кости современных ему животных. Тщательные исследования этих остатков, сохраненных в нанесенной водой почве, с несомненностью убеждают, что в ту отдаленную эпоху в этой части Европы состав животных был совершенно иной, чем в настоящее время. Наука открывает нам следующую картину природы, современной первобытному человеку. В лесах тогдашней Швейцарии паслись совершенно вымершие позднее первобытные быки, туры (*Bos primigenius*) и зубры (*Bison priscus*); рядом с ними ходили стадами северные олени, которые теперь обитают лишь в полярных странах, а также мускусные быки, живущие теперь только в Северной Америке и в Гренландии; каменные козлы, благородные олени, табуны лошадей, гигантские мамонты и носороги, близкие родственники современных слонов и носорогов, которые обитают в Африке и в Южной Азии. Из хищных зверей, кроме волка, лисицы, дикой кошки и медведя, в лесах тогдашней Швейцарии водились также: россомаха и песец, нынешние жители арктических стран, а также и львы, и красная лисица. Трудно даже и вообразить себе в настоящее время столь пеструю фауну этого

уголка Европы. Как будто нарочно собрались сюда самые характерные животные со всех концов света, чтобы сложить свои кости в пещерах Швейцарии. Слоны и носороги тропической Азии, африканские львы, мускусные быки арктической Америки, северные олени и песцы полярных стран Европы, лошади среднеазиатских степей собрались вместе в лесах и на полях Северной Швейцарии. И много веков это разнохарактерное общество жило здесь вместе, пока изменившиеся физические условия не разогнали их по отдаленным друг от друга уголкам света.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы уразуметь, что живая природа, окружающая человека, с течением времени изменяется; на наших глазах происходит истребление целых пород, вымирание видов, распространение новых пород животных и растений в той или другой стране. Если вдуматься во всю совокупность подобных фактов, в изобилии доставляемых нам современной наукой, то становится очевидным, что основным фактором в окружающей нас природе является изменение, перестройка, прогресс.

Существует бесчисленное множество наглядных доказательств, что организмы в течение веков прогрессируют в своей организации, что древние формы обладают менее совершенной организацией, чем современные.

Однако изменения в органической природе не везде совершаются с одинаковой скоростью. В тропических странах современные животные и растения более сходны с древними, чем формы умеренных или полярных стран. Так, в жарких странах мы в настоящее время находим многочисленные формы растений бесцветковых и однодольных, которые, как известно, были господствующими в прежние эпохи и появились на Земле ранее цветковых

и двудольных. В животном царстве тропических стран мы находим сумчатых, однопроходных, лемурув, которые в настоящее время совершенно отсутствуют в умеренном поясе, но были там в древнюю эпоху. Из класса птиц в тропических странах также находятся многие породы, близкородственные к вымершим допотоп-

ным животным, как то: страусы, казуары, бескрылы и др. Таким образом, оказывается, что фауна и флора жарких стран менее удалась в современную нам эпоху от форм прежде существовавших, тогда как в странах умеренных и холодных произошли более коренные изменения в составе органического мира.

Если принять во внимание изменение физических условий на Земле, которое происходило в прежние эпохи, то вышеуказанный факт делается понятным. Действительно, мы знаем, что в одну из предшествующих нам эпох в нынешних полярных странах был такой же жаркий климат, как теперь на экваторе; здесь росли пальмы и тропические папоротники, в море обитали полипы, которые могут жить лишь в теплой воде (20 °С), но с течением времени климат этих стран постепенно изменился, а соответственно новым физическим условиям должна была измениться организация растений и животного населения; отсюда понятно, почему формы умеренных и полярных стран ушли в своем развитии далее форм тропических, которые и теперь живут приблизительно в тех же самых условиях, как и раньше. Еще большую устойчивость форм животного и растительного царства можно наблюдать на глубине морей. Физические свойства воды — температура, плотность, степень солености — на большой глубине не подвергаются во времени почти никаким изменениям. Отсюда понятно, что растительные и животные организмы, обитающие в глубине морей, имеют большое сходство с самыми древними организмами, которые в своем развитии как бы задержались.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

ОБЩИЙ ОЧЕРК

Еще недавно класс млекопитающих считали вполне определенной группой позвоночных животных. Характерными признаками этого класса считали молочные железы, служащие для первоначального вскармливания детенышей, и волосяной покров тела. Однако оба эти признака не могут быть названы существенными, так как, например, у китов волосами покрыта только верхняя челюсть, да и то лишь в зародышевом состоянии, а с другой стороны, у однопроходных млекопитающих не развиваются настоящие млечные железы, и они вскармливают детенышей молоко-

образной питательной жидкостью, выделяемой трубчатыми железами без сосков. Тем не менее оба указанных признака являются весьма важными для характеристики млекопитающих. Единственный признак, которым млекопитающие действительно отличаются от всех других классов позвоночных, составляет полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной; что же касается рождения живых детенышей, то оно свойственно не всем млекопитающим, так как однопроходные, подобно птицам и рептилиям, откладывают яйца.

Скелет у всех млекопитающих построен довольно однообразно. Позвоночный столб резко разграничен на пять отделов: шейный, грудной, поясничный, крестцовый и хвостовой; только у китообразных, которые не имеют задних конечностей, крестца нет. Шейный отдел почти всегда состоит из семи позвонков, причем длина шеи не имеет никакого значения: у жирафы шея состоит из столько же позвонков, как у крота, свиньи и медведя. Грудной отдел столба состоит из 10–24 позвонков, поясничный из

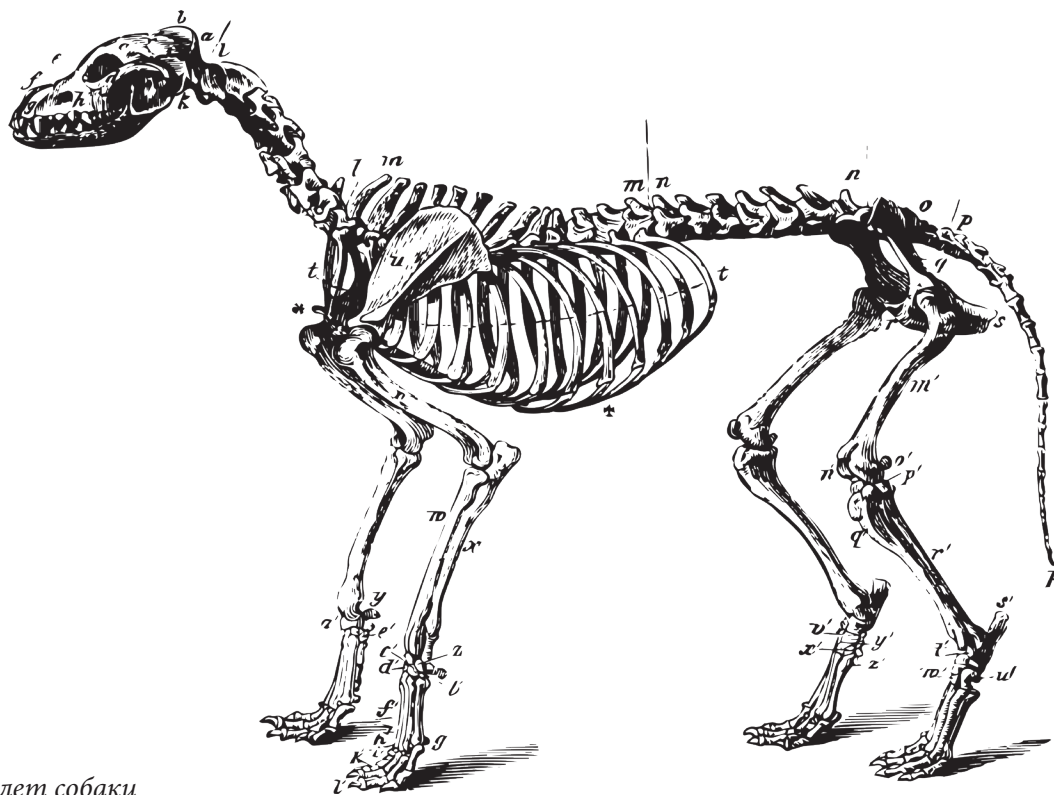
2–9, крестцовый из 1–9, и только в хвостовом отделе встречаются сильные вариации от 4 (у некоторых обезьян и у человека) до 46.

Зачаточные ребра имеются иногда и на других позвонках, но настоящие ребра сочленяются лишь с грудными позвонками и, соединяясь спереди грудною костью, образуют грудную клетку. Череп у всех млекопитающих состоит из одних и тех же костей, которые и сочетаются между собою довольно однообразно, соединяясь посредством швов.

Плечевой пояс состоит из двух лопаток и двух ключиц, хотя последних у некоторых млекопитающих совсем нет (напр., у копытных), у других ключицы не вполне развиваются или заменяются связками, как, напр., у грызунов и некоторых хищных.

Таз состоит из 3 пар костей: подвздошных, лобковых и седалищных, которые плотно срастаются между собой; у китообразных настоящего таза нет, и о нем напоминает лишь пара маленьких косточек.

Передние конечности в большинстве случаев, наравне с задними, служат у млекопитающих для передвижения по земле, но могут приспособляться и к другому назначению. Так, напр., у тюленей и моржей они превращены в ласты, у китообразных — в плавники, у летучих мышей приспособлены к летанию, наконец, у человека и обезьян — к хватанию. Плечевая кость обыкновенно сильно укорочена. Локтевая развита слабее лучевой и служит для сочленения кисти с плечом. У обезьян и человека лучевая кость сочленена подвижно и делает возможным вращательные движения кисти. Кисть передней конечности состоит из запястья, пясти и пальцев, развитых в различной степени. Запястье состоит из 7 костей,

Скелет собаки

расположенных в два ряда, иногда некоторые косточки между собой сливаются. Число костей, из которых состоит пясть, различно, соответственно числу пальцев, которых у млекопитающих бывает не больше пяти, но часто менее. Первый палец, считая с внутренней стороны, так наз. большой, состоит из двух, а все остальные из трех суставов; только у китообразных число суставов увеличено. Уменьшение числа пальцев начинается с исчезновения большого; у парнокопытных развивается лишь два средних, а крайние недоразвиваются или совсем исчезают; у непарнокопытных более всех других развивается третий палец, а у однокопытных остается только он один.

В задних конечностях бедренная кость, которая у человека является самой длинной, у большинства млекопитающих бывает короче голени; из двух костей последней большая берцовая получает преобладающее развитие, между тем как малая берцовая часто совсем исчезает. У некоторых лазящих млекопитающих большая берцовая кость отчасти вращается вокруг малой, подобно лучевой у человека. Предплюсна, как и запястье, состоит из нескольких мелких костей, из которых пяточная снабжена выдающимся назад отростком, к которому прикрепляется ахиллесово сухожилие; некоторые кости предплюсны иногда сливаются между собой. Кости плюсны и пальцы задних конечностей обыкновенно соответствуют запястью и пальцам передних конечностей, но относительная длина их весьма различна. Одни млекопитающие при хождении касаются земли всей стопой задних ног и всей костью передних; другие ходят лишь на пальцах, тогда как кости плюсны и пальцев приподняты над землей и вытянуты.

Наружный покров почти у всех млекопитающих составляет шерсть, лишь у немногих нет этого покрова, как, напр., у слонов, бегемотов и китообразных. У некоторых шерсть состоит из волос двух сортов: густых, мягких и более коротких, составляющих пух или подшерсток, и более длинных, толстых, составляющих собственно шерсть. У некоторых млекопитающих (у ящера) покров состоит из роговых чешуи, налегающих друг на друга, которые могут приподниматься ошетиливаться. На концах пальцев у млекопитающих образуются роговые выросты — когти, или пластинчатые покровы — копыта. Кроме того, у многих млекопитающих имеются особые роговые образования, как, напр., рога, покрывающие особые костные выросты черепа, небные пластинки, так наз. китовый ус и др. У броненосцев покров состоит из костяных пластинок, составляющих панцирь.

В коже млекопитающих развиваются железы двух родов, потовые и сальные. Первые состоят из цилиндрических трубочек, нижний конец которых лежит в соединительнотканном слое кожи и свернут здесь в клубочек, а выводной канал с противоположной стороны открывается наружу. Сальные железы имеют мешковидную или гроздевидную форму. Оба рода желез в различных частях тела видоизменяются различным образом и выделяют иногда специальные пахучие вещества. Молочные железы также следует отнести к железам кожи; каждая молочная железа состоит из сгущенной массы отдельных кожных желез, которые и по своему строению, и по способу образования своего отделения сходны с сальными. Лишь у однопроходных (утконоса и ехидны) молочные железы построены по типу трубчатых желез и, следовательно, сходны с потовыми железами, а не с сальными.

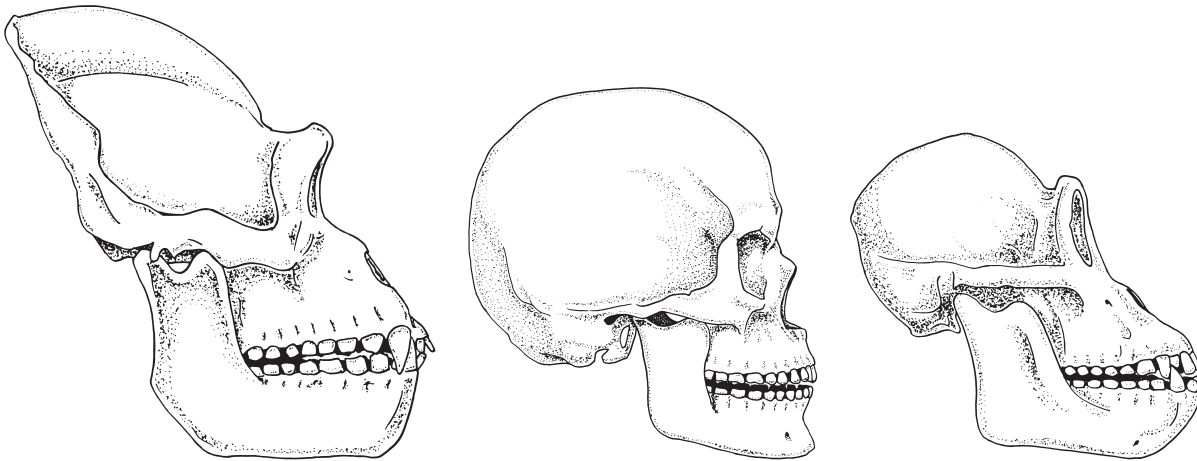
Грудобрюшная преграда, или диафрагма, составляет характерный анатомический признак млекопитающих. Она представляет собою мускулистую перегородку, которая

вполне отделяет грудную полость от брюшной, прикрепляясь к позвоночному столбу, ребрам и грудной кости. Диафрагма играет важную роль в процессе дыхания. Зубы есть у всех млекопитающих, кроме однопроходных, некоторых китообразных, ящера и муравьеда. У китообразных и у однопроходных зубы развиваются лишь в зародышевой стадии, а затем выпадают. Они сидят всегда в ячейках челюстных костей. Различают четыре рода зубов: резцы, клыки, ложнокоренные и истинные коренные. Зубы в каждой челюсти обыкновенно соответствуют промежуткам в другой челюсти. Для обозначения числа зубов, что имеет значение для систематики, употребляют особую формулу, имеющую вид дроби, в которой над чертой обозначаются число зубов каждого рода в половине верхней челюсти, а под чертой — в половине нижней челюсти. Так, напр., зубная формула человека и обезьян Старого Света изображается $2.1.2.3/2.1.2.3.$, т. е. резцов $2/2$, клыков $1/1$, ложнокоренных $2/2$, истинно коренных $3/3$. У большинства млекопитающих происходит смена первоначальных, так называемых, зубов на постоянные. Величина, форма и строение зубов вполне соответствует роду пищи животных. Скелет млекопитающих приводится в движение мускулами, или мышцами, которые в обыденной жизни называются мясом. Мускулы находятся в полном соответствии с особенностями скелета и образом жизни животного, поэтому не все мускулы одинаково развиты у различных млекопитающих, а иногда некоторые мускулы даже и совсем отсутствуют. Те млекопитающие, которые лазают, копают, хватают и вообще производят конечностями значительную работу, обладают сильными грудными мускулами; у бегающих сильно развиты мускулы бедра и голени; у некоторых хвостовые мускулы развиты особенно сильно, так как они пользуются хвостом как пятой конечностью.

Органы пищеварения хотя и сходны в основных чертах у всех млекопитающих, но значительно отличаются в частности. Рот всегда снабжен более или менее мясистыми губами, в которых сильно развито чувство осязания. Между губами, щеками и челюстями у некоторых млекопитающих образуются боковые мешковидные выступы, так наз. защечные мешки. Язык у некоторых сильно развит и служит не только органом осязания и вкуса, но помогает также и проглатыванию пищи. Поверхность его бывает или гладкая, или покрыта мягкими сосочками, а у семейства кошачьих — роговыми шипами. Глотка продолжается пищеводом, который непосредственно расширяется в желудок. Последний всегда имеет более или менее тонкие стенки и бывает или простой, или сложный, состо-

ящий из нескольких отделений. Наиболее сложно устройство желудка у жвачных, у которых пища, уже побывав в двух отделах желудка, отрыгивается, пережевывается и снова отправляется в третье отделение желудка, где начинает перевариваться. У млекопитающих имеется несколько придаточных органов пищеварения, каковы: печень, слюнные железы, поджелудочная железа. Кишки разделяются на несколько отделов.

Органы дыхания у млекопитающих состоят из гортани и легких. Гортань отличается присутствием трех хрящей; щитовидного, перстневидного и черпаловидного; кроме того, отверстие гортани прикрывается надгортанным хрящом. У всех млекопитающих, кроме китообразных, в полости гортани имеются голосовые связки, кото-

Череп гониллы, человека и шимпанзе (слева направо)

рых различаются две пары. Дыхательное горло делится на две бронхи. Легкие обыкновенно разделены на лопасти.

Сердце сплошной перегородкой разделено на два отдела, из которых каждый также разделяется на две части, так что сердце вполне четырехкамерное. Сердце заключено в так называемую околосердечную сумку. Сосудистая система построена одинаково у всех млекопитающих с незначительными отклонениями. Артерии имеют упругие стенки, вены снабжены внутри клапанами.

Головной мозг у большинства млекопитающих сильно развит, в особенности передний, или большой, мозг и мозжечок. Между полушариями большого мозга и мозжечка существует целая система поперечных связок. Относительное развитие большого мозга соответствует степени совершенства организации животных. У низших млекопитающих полушария большого мозга только лишь отчасти прикрывают остальные отделы. У хищных и копытных большой мозг доходит сверху до мозжечка, а у обезьян и человека прикрывает и мозжечок. Поверхность полушарий большого мозга

у низших млекопитающих совершенно гладкая, у остальных неровная, со множеством выпуклостей и извилин, разделенных более или менее глубокими бороздами.

Органы чувств очень сходны по своему строению у всех млекопитающих. Главным органом осязания служат губы, а также конец носа, который у некоторых млекопитающих вытянут в хобот. Орган обоняния у млекопитающих развит более, чем у каких-либо других животных. Вертикальной перегородкой носовая полость разделяется на две половины, открывающиеся спереди наружу, а сзади — в глотку. Боковые стенки носовой полости образуют множество небольших ячеек (лабиринт). Разветвление обонятельного нерва заканчивается в слизистой оболочке, выстилающей полость носа. Наружные носовые отверстия — ноздри — могут расширяться или суживаться особыми мускулами. У водных животных, как, напр., у тюленя, они могут совсем закрываться. Устройство внутреннего уха очень сложно. Для ориентирования в пространстве имеются три полукружных канала, которые расположены в трех взаимно перпендикулярных плоскостях. Форма и величина

наружного уха очень различны. У некоторых наружная раковина совсем отсутствует.

Органы зрения очень совершенны; мигательная перепонка существует не у всех млекопитающих; а веки, наоборот, хорошо развиты и снабжены ресницами. У крота глаза сверху прикрыты кожей.

Млекопитающие обладают в высокой степени совершенства способностью передвижения: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Однако, по отношению к подвижности, млекопитающие сильно уступают птицам. Лишь немногие млекопитающие любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны большинству птиц. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного напряжения сил. Иное мы видим у птиц. У них двигаться значит жить и жить значит двигаться. Птица всегда готова порхать, парить в высоте или бегать. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь быстрее движется по сосудам, ее тело кажется более гибким и стройным, чем у млекопитающих, которые по большей части лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда, по возможности, удобнее улягутся и могут спать или дремать.

Многие млекопитающие способны очень быстро двигаться. Так, напр., хорошая скаковая лошадь на расстоянии нескольких километров может бежать около 15 метров в секунду; большей быстроты не встречается ни у одного наземного животного, но сравнительно с быстротой птичьего полета она представляется ничтожной; даже тяжело летящая ворона может успешно состязаться в скорости со скаковой лошадью. Почтовые голуби летят со скоростью от 15 до 23 метров в секунду и с такой быстротой могут лететь в течение многих часов. Что же сказать о наилучших летунах: соколах, фрегатах, ласточках, которые движутся несравненно быстрее курьерского поезда?!

Большинство млекопитающих ходит на четырех ногах, но есть и двуногие, каковы тушканчики и кенгуру. Впрочем, ни одно животное, кроме человека, не ходит по земле с прямо стоящим туловищем: что же касается кенгуру, то они ходят, в сущности, на трех конечностях, так как длинный мускулистый хвост исполняет то же назначение, как и ноги.

Прыганье млекопитающих происходит различным образом или с помощью толчка двух задних лап, или всех четырех, но главная роль принадлежит все-таки задним ногам. Впрочем, сила прыжка у млекопитающих весьма незначительна, сравнительно с их величиной, и в этом отношении их далеко превосходят многие низшие животные.

Очень замечательно и разнообразно лазанье млекопитающих, из которых многие всю жизнь проводят на деревьях. Не только все четыре конечности, но также и хвост принимает в этом большое участие и часто служит органом прикрепления и привешивания тела; в особенности развита эта способность хвоста у обезьян Нового Света. У многих млекопитающих органом лазания являются также когти, которые позволяют им очень быстро карабкаться по деревьям и скалам. Замечательно, что и копытные животные умеют очень хорошо лазать по крутизне, даже неуклюжие великаны, каковы: слон, носорог, бегемот, буйвол — с большой ловкостью могут взбираться по страшно крутым, головоломным горным тропинкам; но самыми артистическими акробатами являются, без сомнения, обезьяны.

Летание млекопитающих, в сущности, есть только жалкая пародия на полет птиц; даже наиболее приспособленные к этому роду передвижения летучие мыши далеко уступают пернатым летунам; что же касается летяг и летучих сумчатых, то они пользуются своими

кожистыми крыльями лишь как парашютом, облегчающим им падение, но неспособны лететь вверх или по прямой линии.

Гораздо более приспособлены млекопитающие к передвижению в другой стихии — в воде. Способность плавать и нырять дарована очень многим млекопитающим не только настоящим водным, но и наземным. Совершенно не способны держаться на воде только очень немногие из млекопитающих, как, напр., человекообразные обезьяны и павианы. Приспособления для плавания встречаются у млекопитающих самые разнообразные. Ноги, одетые в копыта, представляют очень несовершенный орган плавания, тем не менее между копытными животными встречаются и настоящие водные, как, напр., бегемот, который почти всю жизнь проводит в воде. У настоящих водных животных появляются более совершенные приспособления для плавания в виде перепонок, соединяющих пальцы.

Тюлени стоят посредине между животными, снабженными лапами, и настоящими рыбообразными млекопитающими. Ласты их, в сущности, те же плавники, так как пальцы их покрыты кожей, соединяющей их, и снаружи остаются видными только когти. У китов и этот признак отсутствует: пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящевой ткани; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально и образует плавник; таким образом, является нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такое различие по форме и расположению органов изменяет и движение. Копытные и животные, имеющие лапы, при плавании ударяют ими вниз, как бы ходят по воде, и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются с помощью ластов, которыми работают как веслами. Животные, у которых лапы

Раздвоенный «фонтан» над дыхательным отверстием южного кита

снабжены плавательными перепонками, складывают их, занося ногу вперед, и расширяют при обратном движении. Быстрота плавания у некоторых животных бывает поразительная. Большие киты плывут по 18–25 километров в час, что составляет около 7 метров в секунду, а дельфины могут плавать еще быстрее и шутя обгоняют самый быстроходный пароход.

Деятельность внутренних органов, как, напр., кровообращения и пищеварения, совершается у млекопитающих медленнее, чем у птиц, сердце работает не так быстро, и, соответственно этому, температура крови несколько ниже, чем у птиц. Обмен воздуха в легких совершается значительно медленнее, в особенности у водных млекопитающих, которые вследствие этого могут очень долго оставаться под водой. Кит может оставаться под водой минут 40, кашалоты в случае надобности могут пробыть даже более часа.

Поразительно замедление дыхания, которое происходит у животных во время зимней спячки. Так, напр., сурок, который в бодрствующем состоянии в течение двух дней совершает 72 000 дыхательных движений, во время спячки за 6 месяцев дышит

Кошки отличаются тонким слухом и обонянием

лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет за все это время лишь $\frac{1}{90}$ часть того количества воздуха, которое потребно ему в бодрствующем состоянии.

Способность голоса в смысле силы и разнообразия развита у млекопитающих гораздо меньше, чем у птиц. Нет ни одного млекопитающего, голос которого может быть назван музыкальным и приятным, у громадного же большинства он очень неблагозвучен.

Всемогущая любовь одаряет птицу чарующими тонами, которые возбуждают восторг в наших сердцах; напротив, из горла млекопитающего та же любовь извлекает раздражающие уши звуки. Как велика разница между песней любви соловья и кошки! У последней каждый тон изуродован и искажен, каждый естественный звук превращен в мучительные, раздражающие ухо диссонансы; у соловья же дыхание становится чудным пением, а пение это — прекраснейшей любовной поэмой в звуках и тонах.

Пищеварительный аппарат у млекопитающих построен очень совершенно, но самый процесс пищеварения совершается гораздо медленнее, чем у птиц; во время зимней спячки пищеварение может прерываться на целые месяцы.

Итак, в телесной организации, по крайней мере в некоторых отношениях, млекопитающие уступают птицам, но душевные их способности — безусловно, наивысшие из всех животных.

Деятельность органов чувств, которая у животных является единственным проявлением душевной способности, у рыб, пресмыкающихся и земноводных сравнительно ничтожна, довольно ограничена также и у птиц, и только у класса млекопитающих все внешние чувства достигают наибольшего развития. У млекопитающих обнаруживается уже всесторонность в развитии чувств, которая у человека достигает полного развития, и поэтому млекопитающие по справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание очень хорошо развито у млекопитающих. Огромный кит, при незначительном прикосновении к его коже, тотчас же ныряет; слон сейчас же замечает муху, которая сядет на его толстую, по-видимому, совершенно нечувствительную кожу, но все эти животные даже и приблизительно не могут сравняться в этом отношении с человеком. Даже копытные животные обладают чувством осязания в ногах, несмотря на свои толстые роговые копыта. Осязательная способность, между прочим, развита у млекопитающих в усах. Кошка, крыса или мышь постоянно пользуются усами для ощупывания предмета в то время, когда, по-видимому, обнюхивают его.

Чувство вкуса в настоящем своем виде существует только у млекопитающих и сосредоточивается в языке. Жесткий язык верблюда, который не повреждается даже острыми колючками мимоз, прекрасно чувствует вкус соли, точно так же слон с наслаждением лижет сладости и испытывает приятное ощущение, когда его грубый язык придет в соприкосновение со спиртными напитками.

Обоняние у большинства млекопитающих очень сильно развито. Собака безошибочно различает чутьем среди тысячи других человеческих следов — следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад, или следует за дичью, которая прошла известным путем, благодаря вполне сознаваемому ею запаху, причем запах этот ею отличается от сотни других запахов, существующих на том же месте. Что запах этот не может быть силен, явствует из того, что он происходит от газа, выделившегося от мгновенного прикосновения сапога или ноги животного к почве. Ясно представить себе эту степень чутья прямо невозможно. Северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, африканский слон тотчас же чует старые следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности, в степи, заросшей кустарником. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим обонянием, имеют влажные носы. Нос кошки уже гораздо суше, чем нос собаки, нос обезьяны еще суше, чем нос кошки; нос человека, в свою очередь, суше, чем нос обезьяны. Постепенно убывающая способность обоняния у этих млекопитающих стоит в полном согласии с влажностью органа обоняния. Интересен тот факт, что благоухания, приятно щекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеколона, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка — от валерианы; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, боятся их даже, так как сильные запахи причиняют им, вероятно, боль, что случается, впрочем, нередко и с людьми, стоящими на низкой ступени образования, так называемыми дикарями.

Превосходит ли у млекопитающих чувство слуха чувство обоняния или наоборот — вопрос спорный. Бесспорно, однако, что чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Чувство слуха, правда, довольно сильно развито уже у нижестоящих классов животного царства, однако оно нигде не развито в такой степени, как в двух высших классах; самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Что птицы отлично слышат, вытекает уже из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким звукам. Но замечательно, что лучшие певуны между ними обладают наименее развитым ухом, между тем как для всех птиц с тонким слухом, каковы, напр., все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь уже наружное, а еще более внутреннее строение уха показывают степень совершенства слуха; но эта способность может доходить до такой высокой степени развития и сделаться столь тонким, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными.

У человека чувство слуха, в смысле способности различать слабые звуки, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих, но это нисколько не вредит его господствующему положению среди природы: равномерное развитие всех чувств все-таки значительно возвышает его над всеми животными.

Способность слышать у млекопитающих весьма различна. Ни одно из них не может считаться совсем глухим, но действительно тонким слухом обладают лишь немногие.

Об остроте слуха млекопитающих трудно судить. Мы знаем, что очень многие

млекопитающие в состоянии различать шум, который мы не замечаем, но как далеко простирается эта способность и эта разница с восприятием слухового аппарата человека, нам неизвестно. Кошка и сова слышат шум, который производит бегущая мышь, но мы не можем определить, на каком расстоянии они могут еще отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, который для нас совершенно неуловим; степная лисица различает по слуху даже на порядочном расстоянии ползание жука по песку; олень улавливает шум шагов охотника, по-видимому, даже на расстоянии полутора метров. Но все эти данные лишь приблизительно и не могут быть проверены точным измерением.

Чувство зрения не достигает у млекопитающих такой остроты, как обоняние и слух, и в этом птицы сильно превосходят их. Можно предполагать, что из дневных млекопитающих едва ли какое превосходит человека остротой зрения. Известно, что многие из них даже вблизи не скоро сумеют распознать врага, в особенности если он стоит неподвижно. Ночные млекопитающие обладают самым острым зрением и, бесспорно, превосходят в этом человека. У ночных животных зрачок имеет различную форму днем и ночью. Обыкновенный дневной свет кажется для них слишком ярким, невыносимым для глаз, поэтому зрачок суживается и превращается в тонкую линию, между тем как по мере наступления темноты все расширяется и, наконец, становится совершенно круглым. Таким образом регулируется количество световых лучей, падающих на сетчатую оболочку.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности и чувствительности. Они обладают способностью различать предметы, имеют представление

о времени, месте, о цветах и звуках: умеют узнавать и припоминать прежде виденное, наблюдают и до некоторой степени даже рассуждают. Путем наблюдения они составляют себе известную опытность, которой прекрасно умеют пользоваться: они распознают опасности и придумывают иногда даже очень остроумные способы, чтобы их избежать. Животные эти проявляют симпатии или антипатии к различным лицам.

Совокупность душевных способностей млекопитающего составляет его характер. Животное может быть мужественным или трусливым, честным или вороватым, прямодушным или коварным и хитрым, доверчивым или подозрительным, миролюбивым или задорным, веселым, жизнерадостным и беззаботным или печальным, угрюмым, общительным или необщительным и проч., и проч. Подобных черт характера того или другого млекопитающего животного можно насчитать очень много.

Характер животных складывается в очень значительной степени в зависимости от условий воспитания. При тех или иных условиях высокоорганизованное животное может стать «образованным» и «благовоспитанным» — или грубым, «невежественным». Наилучшим воспитателем животных является, конечно, человек, который сумел воспитать многочисленные породы домашних животных, характер которых сильно отличается от их некультурных родичей.

Большинство млекопитающих живет обществами различной величины, но не такими громадными, в какие скопляются иногда птицы. В стаде всегда есть вожак, которому все члены его подчиняются: в большинстве случаев во главе стада становится старый опытный самец, который добивается этой чести не без труда, после упорных битв со всеми соперниками. Вожак принимает на себя заботу о безопасности всего стада и защи-

щает слабых членов его. В виде исключения у жвачных животных вожаком стада иногда является старая бездетная самка.

Питаются эти животные или растительными веществами, или другими животными, а есть и такие, которые питаются самой разнообразной пищей, как растительной, так и животной.

Соответственно этому весьма разнообразны способы хватания пищи и ее принятие. В большинстве случаев пища схватывается ртом: у других животных есть специальные органы хватания — хобот у слона, руки у обезьян и др.

Сравнительно с птицами, млекопитающие едят немного, так как и жизненная энергия у них проявляется сравнительно меньше. Особенно сильно понижается жизнедеятельность у некоторых млекопитающих во время спячки, когда соответственно этому понижается и температура их тела.

Жизнь млекопитающих более однородна, чем у птиц, свободных обитателей воздушной стихии. Большинство проводит свой день между сном и едой, добывание которой поглощает все их внимание.

Забота о потомстве лежит главным образом на самках, которые в большинстве случаев одни добывают пропитание детенышам, охраняют их, нередко с поразительным самопожертвованием, и заботятся об их первоначальном воспитании, а еще раньше устраивают логовище и стараются обставить его с возможным комфортом.

У ехидны яйца помещаются в особую складку кожи на брюхе самки, где они и находятся до окончания развития. Подобно этому сумчатые помещают в свою сумку новорожденных детенышей, где те кормятся молоком и вынашиваются до тех пор, пока станут настолько взрослыми, что могут сами о себе заботиться. Степень развития детены-

Жеребенок может следовать за матерью практически сразу после рождения

шей при появлении на свет весьма различна. У всех хищников они рождаются слепыми и совершенно беспомощными, у других отрядов детеныши появляются гораздо более развитыми, так что через короткое время способны следовать за своей матерью.

Отношение самцов к детенышам по большей части безразлично, иногда даже враждебное, так что мать старается тщательно скрывать своих детей от отца, который при случае даже пожирает их. Гораздо реже встречается у млекопитающих заботливость отца о своем потомстве.

Продолжительность жизни у млекопитающих весьма различна, но сравнительно с их величиной вообще невелика: тридцатилетнего возраста достигают лишь очень немногие.

Млекопитающие, безусловно, самые полезные из всех животных. Они не только доставляют человеку мясо, шерсть, кожу, кости (клыки моржей и слонов) и др. продукты, но, что еще более важно, получив от человека соответственное воспитание, служат ему, исполняя самые разнообразные работы, и отдают в его распоряжение не только свою мускульную силу, но также свои острые чувства и дарованные природою таланты. Собака считается даже лучшим другом человека.

Млекопитающие распространены по всему свету: по всем морям и океанам, по всем материкам и частям света и по всем более значительным островам. Только океанические острова, которые никогда не были в связи с материками, не населены млекопитающими, за исключением летучих мышей. Однако области распространения определенных видов млекопитающих не очень обширны; даже водные млекопитающие обитают лишь в определенных областях моря, вблизи берегов той или другой страны.

Вышеуказанные зоогеографические области установлены, главным образом, на основании распределения на Земле млекопитающих животных; из них каждая характеризуется ей одной свойственными млекопитающими.

Палеарктической области свойственны из обезьян бесхвостая мартышка, несколько родов настоящих кротов, хорек и барсук, некоторые лани и антилопы, мускусная кабарга; характерны, но не исключительно этой области свойственны быки, овцы, козы, медведи и др.

Эфиопская область — родина гориллы и шимпанзе, многих полуобезьян, жирафы, бегемота, разных видов зебры, множества видов антилоп; исключительно этой области свойственны капский муравьед, прыгунчики. Медведей и оленей здесь совсем нет.

Индийская область характеризуется орангутангом, гиббоном, королевским тигром, индийским слоном и двуцветным тапиром; лори, летающий маки, несколько видов виверр и антилоп, особый вид носорога также составляют характерных обитателей этой области.

Австралийская область наиболее резко отличается по составу фауны от всех остальных. Здесь — родина самых низших млекопитающих — однопроходных и сум-

чатых. Кроме них, в этой области нет никаких местных млекопитающих. Переходную полосу между двумя последними областями, граница которых проходит между островами Бали и Ломбок, между Борнео и Целебесом, между Филиппинскими и Молуккскими, составляет остров Целебес. Здесь, кроме представителей обеих этих областей, водятся совершенно своеобразные млекопитающие, которые не встречаются больше нигде. Это — бабирусса, вид буйвола, и одна обезьяна. Новая Зеландия имеет своих характерных животных (один вид крысы и выдру).

Неоарктическая область во многих сходна с палеарктической; здесь есть очень много видов, общих обеим областям (рыси, волки, лисицы, олени, бобры и др.), а другие хотя и отличаются, но незначительно. Характерными животными являются несколько видов кротов (звездорыл), вонючка, еноты, вилорогая антилопа, опоссум и др. Ежей и свиней нет.

Неотропическая область обособлена от неоарктической и от других почти так же резко, как и Австралийская область, но гораздо богаче ее видами. Характерными животными являются неполнозубые, сумчатые и грызуны; из них специально местные — несколько пород цепкохвостых обезьян, вампиры, носухи, пекари, ламы, ленивцы, броненосцы, муравьеды, шиншилла, агути, несколько видов двуутробок; овец, быков, антилоп совсем нет; вместо свиней, слонов, носорогов Старого Света — пекари и тапиры.

Число всех живущих в настоящее время видов млекопитающих достигает более 2000, которые распределяются неравномерно по странам света: в Азии около 350, в Америке — 400, в Африке — 240, в Европе — 150 и в Австралии — 140.

ОТРЯД I ОБЕЗЬЯНЫ

(Pitheci)

Величина обезьян очень различна: некоторые из них, напр. горилла, достигают роста человека, другие, как, напр., игрунка, не более белки. Точно так же разнообразна и внешность их. По внешности их можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные. Это сравнение как нельзя лучше характеризует их фигуру. Конечности обезьян иногда короткие, мускулистые, а иногда — тонкие и длинные; у большинства — есть длинный хвост, у других он короток; а есть и совершенно бесхвостые обезьяны. Точно так же замечается разнообразие и в волосяном покрове, который у одних обезьян жидкий и короткий, у других — густой и длинный, в виде настоящего меха. Цвет шерсти — обыкновенно темный, но у многих обезьян есть на теле ярко окрашенные

места: наконец, встречаются почти совершенно белые обезьяны — альбиносы (их особенно почитают в «стране Белого Слона» Сиаме).

При всем, однако, разнообразии внешнего вида обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. Их скелет по форме костей довольно похож на человеческий костяк; мало отличаются от человеческих и зубы, по числу и строению. У некоторых видов, особенно у мартышек и павианов, замечаются так называемые защечные мешки, т. е. особые расширения внутренних стенок рта, соединенных с ротовой полостью особым отверстием и служащих обыкновенно обезьяне для временного сохранения пищи. Человекообразные и обезьяны Нового Света совершенно лишены этих «мешков».

По устройству конечностей, приспособленных для хватания, обезьян называют четырехрукими, так как у них большой палец может быть противопоставлен остальным пальцам, как на руке человека. Однако и это — не общий признак: у игрунок такое устройство пальцев замечается только на задних конечностях. Кроме того, и у всех вообще обезьян существует все-таки некоторая разница между строением кисти руки и ступни, так что правильнее было бы назвать обезьян двурукими. В этом, да и еще кой в чем они, несомненно, походят на человека. Зато существуют и резкие различия этих животных от человека:

прежде всего, их туловище покрыто шерстью, передние конечности несоразмерны с телом — длинные, а задние тонки и не имеют икр: затем, седалищные наросты, признак общий почти всех обезьян, у многих длинный хвост, а главное — строение головы, с выдающейся, отодвинутой назад мордой, незначительный объем черепа и тонкие, втянутые внутрь губы — все это резко отличает обезьян от человека.

Что касается душевных свойств обезьян, то рядом с безусловно несимпатичными чертами у них встречаются и симпатичные. С одной стороны, бесспорно, эти животные коварны, злы, раздражительны, мстительны, сварливы, с другой — понятливы, веселы, ласковы, доверчивы к человеку, общежительны, сострадательны к слабейшим себя, мужественны при встрече с врагами и замечательно чадолюбивы. Однако умственное развитие их вовсе не так сильно превосходит развитие прочих млекопитающих, как обыкновенно думают. Правда, обезьяны очень переимчивы и легко выучиваются различным штукам, которые собака усваивает с трудом; но зато они при исполнении заученного далеко не обнаруживают того удовольствия и сообразительности, какие замечаются в той же собаке. Впрочем, нельзя упускать из виду того обстоятельства, что человек приручал собаку в течение целых тысячелетий; за это время природные способности ее могли совершенно измениться; обезьяны же никогда не были очень близки к человеку.

Все-таки отказать в уме обезьянам нельзя. Напротив, скорее следует причислить их к числу самых умных животных. Они одарены прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом; их проница-

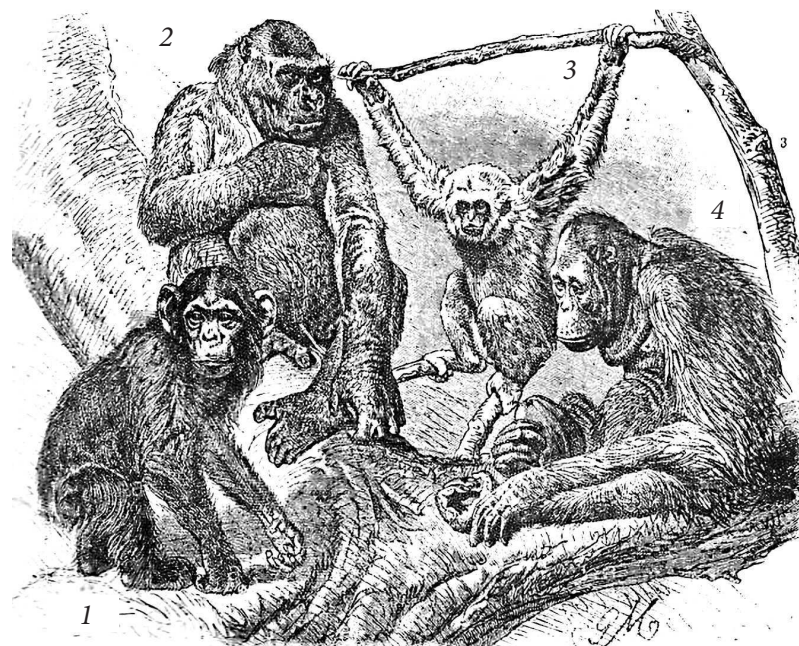
тельность и хитрость видны в их замечательном умении притворяться и скрывать свои зловерные намерения, а также в умении ловко избегать опасности. Далее, они способны сильно привязываться к тем лицам, которые делают им добро; обнаруживают большую любовь к детям и товарищам, попавшим в беду: обезьяны стараются при бегстве унести не только своих раненых, но и убитых. Словом, присутствие у них ума — несомненно.

Впрочем, при всем их уме их нетрудно обмануть; для этого стоит только возбудить у них страсть. Тогда, увлекаясь желанием во что бы то ни стало удовлетворить ее, они не замечают грубых ловушек и обыкновенно попадают впросак.

Будучи очень чувствительны к холоду, обезьяны обитают только в жарких странах, хотя, впрочем, некоторые павианы, поднимаясь в горных странах на значительную высоту, переносят там довольно низкую температуру. Каждая часть света имеет свои, так сказать, специальные породы обезьян; только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии; в Австралии обезьян совсем нет, а в Европе встречается только один вид, да и то в небольшом числе экземпляров, он живет на Гибралтарской скале.

В местах своего обычного обитания обезьяны встречаются от 35° ю. ш. до 37° с. ш. (шир. Японии) в Старом Свете и с 29° ю. ш. только до 28° с. ш. В Америке. В обеих этих полосах обычным местом их обитания являются леса, и только небольшое число видов предпочитает скалистые горные местности.

Человекообразные обезьяны:
1 — горилла; 2 — шимпанзе;
3 — гиббон; 4 — орангутанг

Обезьяны, бесспорно, одни из самых живых и подвижных млекопитающих. Выйдя на добычу, они ни на минуту не остаются в покое, а вечно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, чтобы затем съесть это или бросить. Едят они, можно сказать, все съедобное, но главную их пищу составляют: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, листья и сочные стебли; едят они и насекомых, и яйца, а также птенцов птиц. Но больше всего, кажется, достается от них полям и садам; недаром арабы Восточного Судана говорят: «Мы сеем, а обезьяны пожинают». И действительно, эти создания являются страшным врагом земледельца и садовода, причем не столько съедят, сколько напортят. От этих грабителей ничто не может защитить: ни задвижки, ни заборы — они искусно отодвигают первые и перелезают через вторые, производя полное разрушение на поле и в саду.

Хозяин приходит в отчаяние от их грабежей; для постороннего же наблюдателя

зрелище, представленное набегом этих ловких, увертливых животных, кажется весьма забавным: они гоняются взапуски друг с другом, скачут, кувыркаются, со смешным, сосредоточенным вниманием разглядывают все блестящее, что им попадется.

Их ловкость, обнаруживаемая в искусстве лазанья, превосходит всякое вероятие. Это — настоящие акробаты, за исключением разве больших пород и павианов, довольно-таки неуклюжих. Им нипочем прыжки в 3–4 саж. С высоты дерева они прыгают на ветку, лежащую на 5 саж. ниже. При этом ветка, конечно, сначала сильно наклоняется, но затем снова выпрямляется, давая этим обезьяне толчок вверх, — и она, как стрела, пронизывает воздух, действуя ногами и хвостом как рулем. Упав с дерева, обезьяна всегда сумеет схватиться за первую попавшуюся ей ветку и снова полезет вверх; впрочем, ей и упасть на землю ничего не значит.

Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны — хвостом; хвост у этих

животных есть пятая, можно сказать, самая важная конечность: на нем они качаются, при помощи его достают пищу из расщелин, поднимаются вверх; даже ночью они спят, охвативши хвостом сиденье.

Ловкость и проворство обезьян заметны только при лазании; на земле же большинство их кажутся очень неуклюжими. Лучше других ходят маргышки, цепкохвостые обезьяны Нового Света и игрунки, особенно первые, за которыми трудно угнаться и хорошей собаке. Что же касается крупных обезьян, то походка их очень тяжела и уже совсем не похожа на человеческую. Мы обыкновенно при ходьбе ступаем на землю всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних конечностей и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними. Движение это напоминает походку человека на костылях. Да и так-то они ходят недолго и при первом случае, напр. преследовании, опускаются на четвереньки.

Некоторые виды их превосходно плавают, напр. маргышки, другие же, как павианы и ревуны, легко тонут и потому боятся воды. Однажды в Америке нашли семью еле живых ревунов на дереве, которое во время наводнения наполовину погрузилось в воду; обезьяны даже не пытались спастись по воде на другие деревья, хотя те были от них на расстоянии каких-нибудь 6–10 шагов.

Некоторые наблюдатели уверяют, будто не умеющие плавать обезьяны устраивают для переправы через ручьи живой мост, цепляясь друг за друга хвостом и руками. Но это — чистый вымысел.

Что касается общественной жизни обезьян, то на ней следует остановиться, так как большинство этих животных живет стаями. Каждая стая, под руководством опытного и сильнейшего самца, выбирает

обыкновенно район для поселения, большей частью поблизости от жилья человека, так как тогда недалеко и пастбище для обезьян — сады, бахчи и поля, до которых они такие охотники. Опытный вожак, избираемый, конечно, не подачей голосов, а при помощи своих же зубов и кулаков, которыми он смиряет всех непокорных, постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех: он всюду озирается, ничему не доверяет и оттого всегда успеет вовремя заметить грозящую опасность. В случае же последней вожак немедленно издает предупреждающий крик, состоящий из ряда отрывистых, дрожащих, негармоничных звуков, — и вся стая обращается в поспешное бегство; матери сзывают детенышей, которые мгновенно прицепляются к ним, и спешат со своими драгоценными ношами к ближайшему дереву или скале. Только когда успокаивается вожак, стая вновь собирается и возвращается обратно.

Уже из этого крика вожака видно, что обезьяны могут издавать звуки для выражения своих чувств. Некоторые же наблюдатели идут дальше, доказывая, что обезьяны владеют настоящим языком, как и люди, но, конечно, гораздо менее развитым.

«Слово „у“, но несколько иначе (нашими буквами мы не можем это выразить) означает у обезьян „дай“. Произнося слово „у“, мне несколько раз удалось заставлять обезьян приносить из клетки мяч, палку и проч. Разница в ударе может быть изображена только при помощи фонографа». В дальнейшем изложении проф. Гарнер касается некоторого сходства, существующего между языком обезьян и языком человека. По мнению английского ученого, обезьяна произносит звук произвольно, хорошо обдумав и членораздельно. Звук обращен всегда к определенному индивидууму. Поведение обезьян

показывает, что в их сознании имеется ясное представление о том, что они желают передать при помощи звуков. Они ожидают ответа, а если ответа не последует, то несколько раз подряд повторяют данный звук. Обыкновенно они смотрят в глаза тому, с которым говорят. Обезьяны произносят звуки вовсе не для препровождения времени и не тогда, когда они одни, а только в тех случаях, когда поблизости находится человек или обезьяна. Они понимают звуки других обезьян и отвечают тем же самым звуком; отлично понимают они звуки и тогда, если звуки исходят от человека, фонографа или других механических приспособлений. Для какого-нибудь понятия все обезьяны употребляют, в общем, один и тот же звук. Различные звуки сопровождаются различными жестами и имеют различные последствия при одних и тех же обстоятельствах. Обезьяны произносят звуки голосовыми органами и видоизменяют их зубами, языком и губами, т. е. таким же способом, как и человек.

Чем более развита общественная жизнь у какой-нибудь породы обезьян, тем совершеннее их язык. В некоторых случаях звуки произносятся шепотом, что опять-таки говорит в пользу того, что обезьяны произносят звуки вполне сознательно.

Обезьяны рожают по одному детенышу, редко двух: детеныш этот очень некрасив: конечности его кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, а лицо до того покрыто морщинами, словно перед вами старик. Однако мать питает самую нежную любовь к этому уроду: то лизнет, то ищет у него насекомых, то держит перед собой, словно желая насладиться его видом, то качает, словно баюкая. Детеныш скоро научается вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними бока: в этом положении он несколько не мешает матери бегать и ла-

зать, а сам может в это время спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Подросши немного, маленькая обезьянка начинает шалить и играть с другими себе подобными, но под строгим присмотром маменьки. При малейшей опасности та бросается к своему детищу и особенными звуками приглашает его вскочить себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда и пощечинами. В неволе обезьяна делится с детенышем последним куском пищи и так нежно ухаживает за ним, что нельзя не быть тронутым. Если же он умрет, мать часто следует от тоски за ним в могилу. Сироту-обезьянку часто усыновляет другая самка той же породы и любит его не менее, чем собственных детей. В отношении же приемышей других пород наблюдается странное явление: мачехи ухаживают за ними, ласкают, чистят, но есть не дают, отнимая без зазрения совести их пищу. То же приходилось наблюдать у ручных павианов, которые брали себе в приемыши щенят и котят.

Отряд обезьян (Pithecí) разделяется обыкновенно на три семейства: **узконосых** (Catarrhini), или обезьян Старого Света, **широконосых** (Platyrrhini), или обезьян Нового Света, и **игрунковых** (Arctopithecí).

Представители первого семейства, по устройству ноздрей и зубов, более других обезьян походят на человека, но у них на верхней челюсти, между клыком и соседним резцом, есть промежуток, где помещается выдающаяся часть нижнего клыка. Далее, все узконосые обезьяны не имеют цепкого хвоста. Семейство это разделяется на 2 группы: 1) **человекообразные** (Anthropomorpha), похожие на человека по внешнему виду (особенно по форме лица

и расположению глаз и ушей), и 2) **собакообразные** (*Synopithecini*), с мордой собаки. Кроме того, первые опираются на землю наружным краем ступни, а вторые — всей ступней; у первых нет ни хвоста, ни защечных мешков, у вторых — есть и то, и другое, да притом имеются еще седалищные наросты на туловище, редко встречающиеся у человекообразных обезьян.

Человекообразные обезьяны имеют туловище в роде человеческого, но передние конечности их длиннее, а задние — короче, чем у человека. Тело их покрыто длинной тонкой шерстью, но лицо и пальцы — голые. Зубы похожи на человеческие, но клыки у старых самцов не уступают по остроте и величине клыками хищных зверей. Живут эти обезьяны в Старом Свете, именно в Азии и Африке. Все семейство включает четыре рода: **горилла** (*Gorilla*), **шимпанзе** (*Simia*), **орангутанг** (*Pithecus*) и **гиббон** (*Hylobates*), заключающих в себе несколько видов.

Горилла (*Troglodytes gorilla*, *Gorilla gina*), самая крупная из человекообразных обезьян, открыта только в 1847 году американским миссионером Соважем на берегах реки Габона.

В зрелом возрасте горилла достигает значительных размеров — так, напр., превосходный экземпляр, привезенный в Париж с берегов Габона доктором Франкэ, имеет не менее 1,67 м высоты. Ее колоссальное туловище не имеет, так сказать, талии, так как крайние ребра почти соприкасаются с тазом; все оно, кроме части рук, покрыто шерстью, которая обыкновенно стирается на спине от привычки животного спать, прислонясь к стволу дерева. Обыкновенно горилла черного цвета, хотя иногда имеет сероватую или коричневатую окраску шер-

сти. Дю-Шалью, проживший в Габоне долгое время, в описании своих путешествий посвятил много страниц этому четверорукому гиганту.

«Горилла, — говорит он, — живет в самых недоступных и уединенных частях Западной Африки, между реками Дангер и Габон, от 1 до 15-го градуса широты. Она предпочитает чащи леса и утесистые горы в соседстве с водой. Но она вовсе не живет стадами, подчиненными вожаку, как рассказывали о ней; не строит хижин, не опирается на посох при ходьбе, не подстерегает путешественников и не уносит женщин в свои логовища. Она питается исключительно молодыми побегами, зернами, плодами и орехами, которые легко раскалывает своими могучими челюстями. Это животное очень прожорливо, поэтому ему приходится часто перемещать место, чтобы отыскать себе пищу. Живет горилла почти постоянно на земле, так как большая тяжесть ее тела мешает ей карабкаться по деревьям; только самки со своими малютками забираются иногда на первые ветви деревьев. Обыкновенно самец, самка и их дети живут вместе. Однако часто старые самцы уединяются в чащу леса, а молодые, несравненно более общительные животные, бродят партиями по 5 и 6 штук.

В случаях крайней опасности горилла бесстрашно устремляется на врага. Она делает ужасающие гримасы, сверкает глазами, бьет себя в грудь, которая гудит, как барабан, испускает вой, похожий на отдаленные раскаты грома, а волосы на ее голове топорщатся как султан. Если она ранена не смертельно, то бросается на охотника и почти всегда убивает его одним ударом ноги в живот».

Тот же путешественник так описывает встречу с одной из этих огромных обезьян. «В кустарнике что-то зашевелилось,

и передо мной внезапно явился огромный самец-горилла; в чаще он шел на четвереньках, но, увидев нас, поднялся и смело взглянул нам в лицо. Стоял он шагах в двенадцати от нас, и я никогда не забуду этого зрелища. Царь африканских лесов казался привидением. Громадное тело, почти шести футов вышиною, держалось прямо; могучая грудь, большие сильные руки, сверкающие серые глаза и дьявольское выражение лица были страшны: нас он, видимо, не боялся. Он стоял и бил себя в грудь могучими кулаками, и удары эти раздавались, как звуки большого металлического барабана, так горилла обыкновенно вызывает своих противников на бой... Он страшно ревел. Рев его, совершенно особенный, наводит ужас и страшнее всех звуков, раздающихся в африканских лесах; он начинается резким лаем, похожим на лай большой собаки, и переходит в глубокие раскаты, напоминающие раскаты грома. Не видя гориллу, но слыша его рев, я несколько раз ошибался, принимая его за грозу.

Мы стояли неподвижно, ожидая нападения. Увидев это, чудовище еще страшнее засверкало глазами; волосистой гребень на лбу его начал подниматься и опускаться, длинные клыки оскалились — и вновь загредел грозный рев. В это мгновение горилла походила на адское видение, на одно из тех отвратительных существ — полулюдей и полузверей, которых старинные живописцы любили изображать на картинах ада. Чудовище сделало несколько шагов вперед, остановилось, издало свой ужасный вой, потом приблизилось еще немного, снова остановилось и начало яростно бить себя в грудь. Таким образом, оно было от нас всего в шести шагах, когда я, наконец, выстрелил... Со страшным, человеческим стоном, в котором, однако, слышалось и что-то звериное, оно пова-

Горилла

лилось лицом на землю. Несколько минут его тело конвульсивно подергивалось, затем все стихло — смерть сделала свое дело. Мне оставалось лишь исследовать огромный труп; оказалось, что тело имело 5 футов 8 дюймов в длину; развитие ручных и грудных мускулов свидетельствовало о необычайной силе животного».

В неволе горилла проявляет ничем не укротимую дикость: она кусает и царапает всех, кто к ней приближается, и умирает от бешенства, если ей не удастся освободиться. Дю-Шалью думал, что молодых обезьян будет легче приучить, чем взрослых. Однажды туземцы доставили ему гориллу 2 или 3 лет, которую они захватили, убив ее мать. Она была 0,81 м высотой, с сероватой шерстью. Пищи она не принимала, на четвертый день вырвалась из клетки и забилась

под кровать путешественника. Вскоре затем снова вырвалась и убежала в соседний лес. Пойманная, она через несколько дней умерла в бешенстве. Вторая попытка была также неудачна: горилла, отправленная в 1859 г. Лондонскому зоологическому обществу, умерла, не достигнув берегов Англии. Экземпляр, купленный Фалькенштейном на берегу Лоанго и проданный им в 1876 г. Берлинскому аквариуму за 50 тысяч франков, был первой гориллой, привезенной живую в Европу. Во время своего прибытия она весила от 14 до 18 килограммов и имела почти 65 сантиметров в высоту.

Некоторые писатели, напр. Дюро-де-Ламаль, утверждают, что еще древние знали гориллу. В самом деле, известно, что знаменитый мореплаватель Ганнон был отправлен карфагенянами для основания колоний в Западной Африке с 60 кораблями и 30 тысячами экипажа; предприятие не вполне удалось — он должен был вернуться на родину; и вот в отчете о своем путешествии, который сохранился до нашего времени, Ганнон говорит, что, пройдя мимо страны, реки которой текли пламенем (лавой?), он достиг залива Южного Рога. В глубине этого залива был остров с озером, а на озере — еще остров, переполненный дикими людьми. «Там было очень много мохнатых женщин, которых наши переводчики называли гориллами. Мы гнались за ними, но мужчин нам не удалось захватить, так как они были очень ловки в лазаньи по самым крутым утесам и бросались в нас камнями: мы поймали только трех женщин, которые кусались и царапались. Мы принуждены были их убить. Мы содрали с них шкуры и привезли в Карфаген, так как мы дальше уже не плыли; живых нам привезти не удалось». Ганнон положил свое официальное донесение в храм Сатурна, а шкуры горилл в храм Юоны-Астарты, где они

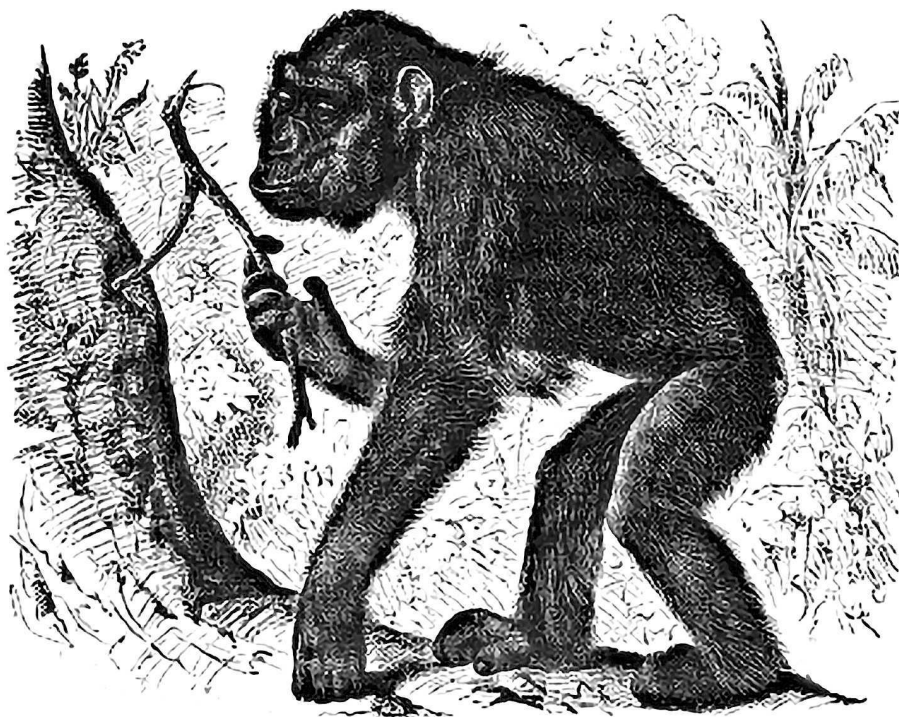
оставались до взятия Карфагена, т. е. в течение 345 лет, от 510 до 146 г. До Р. Х.

Ясно, прежде всего, что гориллы, упоминаемые Ганноном, не были женщинами: карфагеняне были народ настолько цивилизованный, что не стал бы снимать кожу с убитых врагов и вешать ее, как трофей, в храмах. Ганнон говорит далее, что «дикие люди» были покрыты волосами. Это дает повод думать, что дело идет о какой-то породе обезьян. Вопрос только в том, о какой? Предполагают, что это были именно гориллы.

Напротив, другая человекообразная обезьяна, шимпанзе, живущая там же, где и горилла, была, несомненно, известна с давнего времени и появилась в Европе еще в XVII в.

Шимпанзе (*Troglodytes niger*, *Simia troglodytes*) значительно меньше гориллы, не выше 1,55 м, даже в зрелом возрасте. Вид у нее также менее зверский; зубы меньше и короче: нос не такой крупный; руки короче, и конечности не такой грубой формы, как у гориллы. Кроме того, животное при ходьбе опирается не на ладонь, как другие четвероногие, а на верхнюю поверхность пальцев. За исключением лица, обнаженного, но украшенного бакенбардами, и вполне гладкой внутренней части рук и ног, все тело животного покрыто длинными грубыми волосами, черными сначала, а с течением времени получающими коричневатый или сероватый оттенок.

Верхняя и Нижняя Гвинея являются настоящей родиной шимпанзе. Эти животные живут в больших лесах, близ берегов моря и рек, поодиночке и парами, как говорит Дю-Шалью, или, как говорят другие путешественники, стадами более или менее многочисленными, под предводительством старого вожака, обязанного заботиться об общем благе. Когда их преследуют, они бросаются

на деревья, издавая звуки, похожие на лай, но, несмотря на свою силу, не вступают в бой с охотником, если они только не доведены до крайности. В последнем случае они защищаются ударами рук и зубами. Все-таки им и в голову не приходит мысль вооружиться палками и таким образом отражать нападение противника.

Мы уже упомянули, что шимпанзе стали появляться в Европе еще с XVII в., и почти все столичные зоологические сады имели их. К сожалению, шимпанзе не всегда хорошо переносят европейский климат и скоро умирают. Тем не менее натуралистам удалось произвести массу наблюдений, свидетельствующих о несомненной смысленности этих четвероногих.

Капитан Гранпрэ рассказывает, напр., что одна самка на корабле, отправлявшемся в Америку, умела растопить печь, когда температура была достаточно высока для варения, обращалась, как настоящий матрос, с якорем и парусами. Брос рассказывает,

что шимпанзе, привезенные в Европу, ели всё, умели обращаться с ножами, ложками и вилками, пили вино и водку из стаканов, охотно подчинялись диете при лечении и пр. У Бюффона был один шимпанзе, который привык ходить почти постоянно прямо и держался с большим достоинством. Он повиновался малейшему знаку своего господина, подавал руку дамам, садился за стол, развешивал салфетку, откупоривал бутылки и потчевал соседей, вообще вел себя очень благовоспитанно. К несчастью, в конце года он умер от чихотки. В 1876 году такое же интеллигентное животное жило в парижском Ботаническом саду. Его звали Беттиной. Оно было очень привязано к своему сторожу и при малейшей неприятности искало утешения в его объятиях. Вело себя оно как послушное дитя; ему только никоим образом не удалось принять вертикального положения.

С этой обезьяной, по моему мнению, нельзя так обращаться, как с простым животным.

Несмотря на все странности, проявляемые ею, в ее поведении так много человеческого, что почти забываешь, животное ли видишь пред собой. Тело его как у животного, но разум стоит на одном уровне с дикарями. Было бы ошибочно приписывать поступки и уловки этого развитого существа единственно безотчетному подражанию. Правда, шимпанзе иногда и подражает поступкам других, но это делает он так же, как делает ребенок, подражая взрослым. Шимпанзе позволяет себя обучать, прилежно учится, и если бы его рука была послушна и годна, подобно человеческой, то он бы многому научился. Он же делает столько, сколько может сделать. По крайней мере, все поступки его совершаются с полным сознанием и обсуждением. Шимпанзе выказывает интерес к предметам, которые не имеют никакого отношения к потребностям его природы.

С этим мнением многих ученых вполне согласуются наблюдения, произведенные в зоологическом саду в Штутгарте над двумя шимпанзе, которые отличаются выдающимся умом. Они садятся по-человечески, едят из посуды, умеют держать себя и всем интересуются, простирая свою любознательность даже до искусства писать. Когда им показали бумагу и карандаш, они сейчас же поняли их назначение и принялись с серьезною миною покрывать данные им листы своими иероглифами.

Вообще, подводя итог всем наблюдениям над шимпанзе, невольно вспоминаешь поверье, издавна существующее у западноафриканских дикарей, что эти животные когда-то были тоже членами человеческой семьи, но за дурные поступки были изгнаны из общества людей и постепенно дошли до нынешнего состояния.

Третий представитель человекообразных обезьян, **орангутанг** (*Pithecus satyrus*) —

тоже очень известное животное. Уже древний мир знал его. Плиний говорит, что «в горах Индии ворочаются сатиры, животные очень злые, с лицом человека, передвигающиеся то на двух, то на четырех лапах, что бегают они очень быстро, и захватить в плен можно только больных и очень старых».

В XVII веке голландский врач Тульпиус описал оранга под именем *Satyrus indicus*. «Это животное, — говорит Тульпиус, — ростом с трехлетнего ребенка, обладает силою шестилетнего; спина ею покрыта черными волосами».

После него другой медик, Бонциус, описал оранга с полною точностью. Он говорит, что сам несколько раз видел «лесных людей». «Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения их совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рассматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками: она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей доставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком». К сожалению, путешественники позднейшего времени, с целью придать более пикантности своим рассказам, извратили описания упомянутых ученых, так что только в последнее время удалось вполне выяснить хотя бы главные, существенные черты организации орангутанга.

Это животное, известное также под именем понго, существенно отличается от гориллы и шимпанзе; поэтому натуралисты с полным правом выделяют этот род под именем *Satyrus*. Действительно, руки оранга сравнительно очень длинны и спускаются до уровня лодыжек: голова более конической формы; лоб выше; орбиты более продолговаты; уши менее выдаются;

грудная клетка составлена из 12 пар ребер вместо 13, благодаря чему повыше газа образуется небольшое утончение в виде талии. Кроме того, у оранга запястье состоит из 9 костей, в то время как у человека, гориллы и шимпанзе оно состоит только из 8; пястные кости и суставы пальцев дугообразно согнуты, что дает возможность этой обезьяне сильнее хвататься за ветви. Эта особенность еще более заметна в строении нижних конечностей: подошва ноги у оранга очень выгнута.

Но размеры орангутанга не так велики, как думают иногда. Уоллес определяет их так: высота 1,27 м, с вытянутыми руками 2,40 м, и 1,10 м вокруг талии. Лицо и руки оранга, как гориллы и шимпанзе, обнажены, глаза маленькие, нос приплюснут, нижняя челюсть значительно выдается вперед, губы припухлы; кожа шеи вся в складках: она прикрывает горловые мешки, которые по воле животного могут сильно раздуваться. Руки оранга очень длинные, с вытянутыми пальцами, снабженными плоскими ногтями: как и все тело, они покрыты длинной рыжеватою шерстью, местами переходящею в черноватый оттенок. Волоса на спине и груди значительно реже, чем на боках и вокруг щек, где они образуют густую бороду.

Орангутанг живет по островам Зондского архипелага, где туземцы и дали ему настоящее название, означающее в переводе «лесной человек». По их воззрениям, эти обезьяны настоящие люди и могли бы хорошо говорить, если бы захотели, но не делают этого из боязни, как бы не заставили их работать. Любимым местопребыванием этой обезьяны служат чащи огромных лесов, где она почти не сходит на землю с деревьев. Она почти всю свою жизнь перебирается с дерева на дерево, собирая себе пищу из плодов, листьев и почек.

Орангутан

Однако на свободе оранга удалось наблюдать очень немногим путешественникам (между прочим, Уоллесу, доставившему нам подробные сведения о них), зато пленные обезьяны неоднократно доставляли неистощимый источник для наблюдений, которые и показали, что орангутанг по своим умственным способностям стоит едва ли не выше прочих обезьян. Постараемся доказать это примерами.

Самка оранга, принадлежавшая голландцу Восмерну, отличалась добродушием и никогда не выказывала злобы. Когда ее посадили на цепь, она пришла в отчаяние, стала бросаться на пол, жалобно кричала и рвала свои одеяла. Обыкновенно

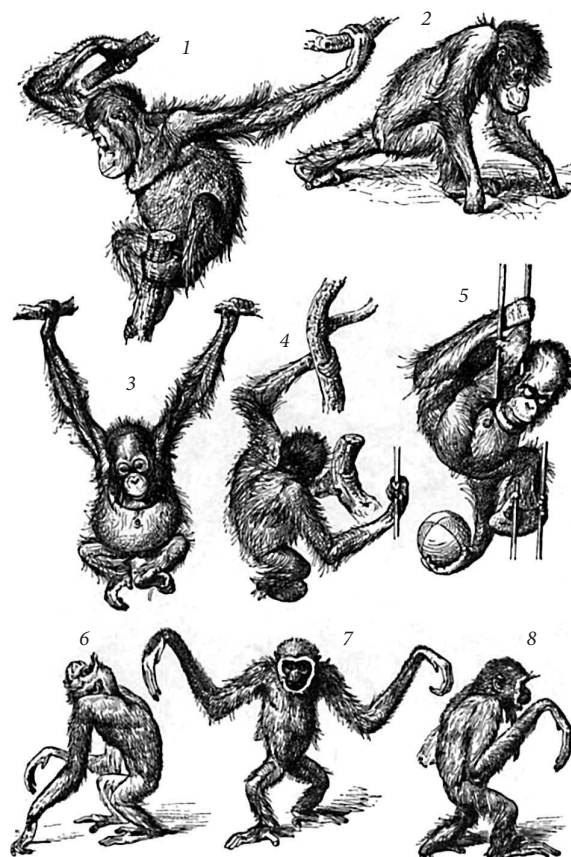
она ходила, подобно прочим обезьянам, на четвереньках, но могла хорошо ходить и прямо. Однажды ей дали полную свободу; она тотчас влезла на стропила и лазила по ним с такою ловкостью, что четверо людей должны были гоняться за нею целый час; во время этой прогулки она успела достать где-то плохо лежавшую бутылку малаги, откупорила ее, вино выпила, а бутылку поставила на место. После питья обыкновенно она утирала рукой губы, как это делают люди, и даже умела употреблять зубочистку. Перед тем как ложиться спать, она долго поправляла сено, на котором спала, тщательно вытрясала его, клала особую связку вместо подушки и закутывалась в одеяло. Раз при ней отперли ключом замок ее цепи: она с большим вниманием наблюдала за этой процедурой, потом взяла щепочку, всунула ее в замочную скважину и принялась вертеть во все стороны. Когда ей дали котенка, она схватила его и стала обнюхивать, причем котенок оцарапал ее когтями; тогда она бросила Ваську и не хотела больше знать его. Пальцы руки этой обезьяны отличались замечательной силой и в то же время ловкостью: она так искусно умела таскать ими разные вещи из карманов посетителей, что те решительно не могли уследить за ней; развязывать самые запутанные узлы было для нее одним из любимых занятий, и она нередко старалась развязать башмаки у подходивших к ней знакомых ее хозяина. Задние руки ее были так же ловки, как и передние, и она очень часто пускала их в дело, когда нужно было что-нибудь достать...

Другой ручной орангутанг, о котором рассказывает Джеффрис, отличался своей чистоплотностью: он часто мыл в своей клетке пол мокрой тряпкой и выметал из нее сор; он же имел привычку ежедневно умывать лицо и руки.

Третий представитель этой породы обезьян, известный по описанию знаменитого Кювье, был привезен в Европу десяти месяцев и прожил во Франции около полугода. Во время морского переезда он особенно подружился с одним из офицеров и каждый обед просиживал на спинке его стула. По приезде в Испанию офицер этот высадился с корабля, и место его в столовой было занято другим. Не заметив этого сначала, обезьяна, по обыкновению, влезла на спинку стула, но когда заметила, что ее друга нет, отказалась от пищи, бросилась на пол и в отчаянии стала биться головою, испуская жалобные крики. По приезде во Францию орангутанг этот сначала жил в Мальмезоне у императрицы Жозефины, где занимал особую комнату. Чтобы выйти из последней, он взбирался на стоявший поблизости стул, повертывал ручку и отворял дверь. Однажды стул отодвинули, чтобы обезьяна не могла выйти; но орангутанг тотчас придвинул его к двери, вскочил на сиденье и открыл дверь. За обедом этот орангутанг умел пользоваться ложкой и пить из стакана. Раз, поставив стакан на стол, обезьяна заметила, что он стоит криво и готов упасть; она тотчас же прогнула руку и поставила его как следует. Пообедав, умное животное обыкновенно накидывало себе на плечи одеяло и отправлялось на постель. Незнакомых этот орангутанг не любил, но со знакомыми был очень кроток и нередко целовал их; рассерженный же пускал в дело кулаки. Любимцами его были двое котят, с которыми он постоянно играл и которые нередко больно царапали его; он несколько раз осматривал их лапы и старался пальцами вырвать когти, но, не успев в этом, предпочитал переносить боль, чем расстаться с котятами.

Последний представитель человекообразных обезьян **гibbon** (*Hylobates*) отличается несоразмерно длинными руками. Гиббоны, которых насчитывают до 7 видов, населяют по преимуществу Ост-Индию и ближайшие из Больших Зондских островов. Тонкое, довольно стройное тело их, значительной величины (но не больше 1 метра), покрыто густым мягким мехом, черного, бурого или соломенно-желтого цвета. Голова мала и яйцевидной формы; лицо походит на человечесьё. Благодаря своим необычайно длинным рукам гиббоны ходят по земле очень плохо. Их хождение есть жалкое ковыляние на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазание и прыгание по ветвям представляет у этих животных легкое и ловкое движение; для этого движения нет, по-видимому, и границ; оно как бы не зависит от законов тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче, они чужие на земле: на ветвях же они представляют прямую противоположность всему этому; это — настоящие птицы в образе обезьян. Если горилла — Геркулес между обезьянами, то гиббонов можно сравнить с легким Меркурием; недаром же один из них (лар, или белорукий гиббон) назван в память возлюбленной последнего, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотой добилась любви Меркурия и благодаря этому избежала ада.

Наблюдение гиббонов на свободе представляет свои трудности, так как почти все они избегают человека. Живут они большей частью большими стадами, под предводительством одного вожака. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как, или от испуга, или чувствуя свою сла-

Орангутан (1-5), гиббон (6-8)

бость, они не решаются бежать. Трусость — их характерная черта. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает раненого товарища. Матери, однако, схватывают детенышей, пытаются бежать, падают иногда вместе с ним вниз, выпускают затем громкий горестный крик и, с раздутым гортанным мешком и расставленными руками, с угрозой загораживают дорогу врагу. Материнская любовь гиббонов проявляется, впрочем, не только в опасности, но и при всяком случае. Некоторым путешественникам приходилось иногда наблюдать интересное зрелище, как матери приносили своих малюток к воде, мыли их, несмотря на их крик, затем тщательно вытирали их и сушили, и вообще так заботились об их чистоте,